

Чжо Цинхуа, увидев пса, первым делом быстро сложил пальцы в фигуру и прошептал заклинание:

— Сгинь, злобная тварь!

Доберман остался невозмутим, лишь протянул морду и аккуратно лизнул куриную ножку, которую Чжо Цинхуа держал в руках.

Чжо Цинхуа: «.....»

Три секунды спустя доберман сорвался с места и умчался прочь, а Чжо Цинхуа, схватив бутафорский меч из реквизита, бросился в погоню.

— Мерзкое отродье! Сейчас же сдохни!

Не успел он пробежать и пары шагов, как пёс юркнул за спину И Чжоу, который только что получил свой обед, и, почувствовав поддержку, осмелел.

И Чжоу и без того презирал Чжо Цинхуа, а за последние дни окончательно озлобился из-за того, что тот постоянно отчитывал его за плохую осанку. Увидев, как Чжо Цинхуа обижает его собаку, он скривился в ещё большем отвращении.

— Чжо Цинхуа, мало того что ты сам человек паршивый, так ещё и до пса докопался? — И Чжоу высвободил руку и погладил добермана по голове. — Мой сынок такой милый, зачем ты его обижаешь?

Чжо Цинхуа опустил меч и в недоумении уставился сначала на него, потом на добермана.

— Ты — собака.

— Ты кого сейчас оскорбил? — Гнев И Чжоу моментально достиг предела, он так сильно сжал в руках контейнер с едой, что тот едва не лопнул.

Чжо Цинхуа невозмутимо ответил:

— Ты сам только что сказал, что он твой сын.

«.....»

И Чжоу глубоко вздохнул, пытаясь сдержать ярость на людях.

— Ты что, больной? Это метафора! Я люблю его как собственного сына! Даже если ты в последние дни стал всеобщим любимчиком, это не повод обижать мою собаку! Ты что, меня специально цепляешь?

— Хватит болтать. — Чжо Цинхуа не желал продолжать этот разговор и протянул ему куриную ножку, которую прятал за спиной.

И Чжоу озадачился:

— Чего? Хвастаешься, что у тебя в обеде куриная ножка?

Чжо Цинхуа хмыкнул:

— Либо меняешься со мной своей едой, либо съедаешь эту.

— С какой стати мне меняться с тобой обедом? — И Чжоу не мог уловить логику Чжо Цинхуа и был уверен, что тот просто ищет повод для провокации.

Он с вызовом вгрызся в ножку и выпалил:

— Съел! И что ты мне сделаешь?

Чжо Цинхуа молчал. Он спокойно дождался, пока И Чжоу сделает ещё несколько укусов, и удовлетворённо приподнял бровь. На душе стало куда приятнее.

— Твой сын только что лизнул ножку из моего обеда. Теперь, когда ты её доел, я больше не злюсь.

Сказав это, Чжо Цинхуа, размахивая мечом, широким шагом направился к своему пляжному зонтику, чтобы продолжить трапезу.

Издалека было слышно, как И Чжоу, схватив добермана, рычал на него:

— Ты сегодня втихаря фекалии не жрал? А? Не жрал?!

Для остальных членов съёмочной группы это событие было лишь мелким эпизодом, но в душе И Чжоу оно оставило неизгладимый след. С того дня он стал водить добермана на поводке. На съёмках пёс был привязан, а в перерывах И Чжоу выгуливал его на поводке.

Природа вокруг съёмочной площадки была живописной: холмы, рощи и извилистый ручей. Это место любили не только киношники, снимающие исторические драмы, но и собаки, которые

носились здесь во всю прыть. Доберман даже завёл себе друга — бездомного пса.

Вскоре этот бродяга стал постоянно околачиваться на площадке, и И Чжоу с Фан Лулу, проявляя чудеса доброты, стали его подкармливать.

Сяо Тан по этому поводу ворчал:

— Строят из себя добряков! Даже если это маленькая собака, нельзя же оставлять её без поводка? А если кого-нибудь укусит?

Чжо Цинхуа же волновал лишь один жизненно важный вопрос:

— Что сегодня на обед?

— Общий котёл! Говорят, режиссёр специально нанял повара, и тот на пустыре у реки поставил печь. Чувствуешь, как пахнет мясом?

Не успел он закончить, как в их сумках что-то зазвенело. Через мгновение Чжо Цинхуа извлёк свой роскошный многоярусный термос и, обняв его так, будто шёл на верную смерть, с торжественным видом произнёс:

— Я пошёл.

Сяо Тан: «.....Счастливого пути».

Чтобы получить порцию, приходилось стоять в очереди. Чжо Цинхуа замер в длинной веренице людей, невозмутимо прижимая к себе термос. Полуденное солнце слепило глаза, и он, опустив веки, почти задремал.

В этот момент мимо пробежали две собаки — большая и маленькая.

«Гав-гав!»

— Видал того парня в белом с бадьёй еды? У него есть куриная ножка. Если проголодался — иди напугай его.

— У-у-у, я боюсь, он выглядит таким страшным!

— Чего бояться? В худшем случае наедемся дерьма... Ой! Мамочки! Почему он вдруг посмотрел на меня? Неужели опять погонится бить?!

От Чжо Цинхуа повеяло холодом убийственного намерения. Он пристально посмотрел на псов, которые от страха залаяли и заметались из стороны в сторону, а через пару секунд отвёл взгляд, делая вид, что не понимает собачьего лая.

Однако, когда он уже возвращался с тяжёлым термосом, псы снова раболепно увязались за ним. Доберман оскалился, вывалив язык.

— Есть мясо? А? Если не дашь, я прямо сейчас приступлю к делу и всё оближу!

Чжо Цинхуа метнул в него ледяной взгляд:

— Только попробуй лизнуть.

— Блин! Второй! Он реально понимает, о чём мы гавкаем!

Вторым он, очевидно, называл бродячего пса, бегущего следом. Тот был совсем крошечный, грязный, свалявшийся в колтуны, а глаза скрывала густая шерсть.

Чжо Цинхуа щёлкнул пальцами в их сторону, и в его спокойном голосе послышалось предупреждение:

— Подальше от меня.

Он не питал ненависти к этим слабым существам. Напротив, в отличие от людей, Чжо Цинхуа предпочитал общаться с этими простыми и бесхитростными созданиями. Причина была проста... она была неразрывно связана с тем, что в глубине его тела таилась остаточная душа, которая изначально была Духом зверя.

Древний боевой зверь пал в сражении, но его дух не исчез. Спустя многие годы покоя и накопления духовной энергии он постепенно обрёл форму, и так появился Чжо Цинхуа. Поэтому способность понимать язык зверей не была для него чем-то удивительным.

Перед едой Чжо Цинхуа сложил руки и по привычке вознёс молитву предкам своей секты: «Почтенные предки Секты Десяти Направлений, сегодня я вновь ради выживания отступаю от пути отказа от зерна, сочетая мясное с растительным...»

Не успел он закончить, как заметил, что маленькая грязная собака по прозвищу Второй закружилась на месте и подпрыгнула.

— Ты точно бессмертный! Поклоняюсь тебе, бессмертный!

Грязный пёс сел на задние лапы и, подняв передние, сложил их в молитвенном жесте — невероятно искренне.

Чжо Цинхуа лишился дара речи.

Однажды низвергнутый в пыль, он не видел, как тысячи людей склоняются перед ним в его секте, вместо этого он был вынужден тягаться с шутами. И вот теперь, в этот день, величайшее почтение ему оказала ничейная бродячая собака.

Как бы ни был твёрд дух Чжо Цинхуа, даже он не смог удержаться от вздоха.

Он выбрал из небольшого количества рёбрышек то, что было с самым большим куском мяса, и протянул его псу:

— Я дарю тебе это насыщение. Уходи.

Маленькая собака понюхала мясо и тявкнула.

— Кто-то хочет причинить тебе вред, бессмертный, будь осторожен!

Чжо Цинхуа вздрогнул.

— Рассказывай.

Послеполуденное солнце словно окутало всё вокруг пьянящим дурманом, и все валялись с ног от сонливости. Видя, что актёры не могут сосредоточиться на съёмках, режиссёр разрешил получасовой перерыв.

Сегодня у Чжо Цинхуа была сцена завершения съёмок, причём с падением в воду, поэтому Сяо Тан заранее приготовил плед и горячую воду.

Он подошёл к шезлонгу Чжо Цинхуа и, только успев разложить вещи, услышал вопрос:

— Сяо Тан, помощница Фан Лулу в последнее время не искала тебя?

— Да, она сказала, что от тебя очень приятно пахнет, и спрашивала, какими духами ты пользуешься.

Чжо Цинхуа прищурился:

— Ты сказал ей?

Сяо Тан пожал плечами:

— Брат Чжо, ты ведь вообще не пользуешься парфюмом, что я мог ей сказать?

Говоря это, он задумчиво почесал подбородок и добавил:

— Но с того дня я заметил, что в сумке, которую ношу с собой, пропало полотенце, которым я вытирал тебе пот. Брат Чжо, как думаешь... не извращенка ли эта помощница Фан Лулу, которая зарится на твоё тело?

<http://bllate.org/book/21909/2275865>